

А. Ю. Тарасов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В НЕОЛИТЕ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В отличие от большинства работ этого сборника, в настоящей статье рассматривается такой аспект развития культуры древних обществ на территории Карелии, как явления технологического, экономического и социального развития. Они, на мой взгляд, играли не последнюю роль в культуругенезе, обеспечивая фундаментальную базу для развития и усложнения культуры на всех ее уровнях, включая уровень этнических процессов и этнического самосознания. Такой выбор предмета анализа не в последнюю очередь обусловлен и природой основных источников, с которыми мне приходилось работать, – комплексов каменного инвентаря с памятников Карелии периода неолита – раннего железного века. С одной стороны, работа с комплексами каменных орудий целого ряда разновременных культур позволила обнаружить тенденции, которые остались бы незамеченными при ограничении исследования рамками только одной культуры или эпохи. С другой – изучение собственно этнических процессов предполагает подробное рассмотрение всего комплекса источников, в том числе обязательный анализ керамического материала, проводимый авторами других статей настоящего сборника применительно к отдельным культурам.

Статья основывается на материале памятников, относящихся к культурам с керамикой: сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной, ромбоямочной (неолит), асбестовой (энеолит), сетчатой (бронзовый век) и лууконсаари (ранний железный век). Большая часть (56 памятников) расположена в южной половине Карелии. Это ограничивает возможности для анализа, особенно

периода неолита, хотя энеолит и эпоха бронзы юго-западного Прибеломорья довольно неплохо обеспечены источниками (13 поселений, относящихся к культурам асбестовой, сетчатой керамики и лууконсаари).

Каменный инвентарь культур Карелии неолита – раннего железного века: общее и особенное

Каменный инвентарь, характерный для памятников этого периода, может быть отнесен к ряду групп каменных орудий, выделяемых по сходству сырьевых, технологических, функциональных и морфологических особенностей отдельных изделий. Наиболее многочисленными среди них являются группы орудий на отщепках, крупных рубящих и деревообрабатывающих макроорудий из сланцев и алевролитов, количество которых резко уменьшается начиная с бронзового века, а также группа бифасов – двусторонне обработанных наконечников, которые особенно многочисленны в периоды энеолита и бронзового века.

Ряд особенностей этого инвентаря существенно ограничивает возможности его использования для реконструкции взаимосвязей между отдельными культурами. Прежде всего, это локальные различия сырьевой базы на территории Карелии, а именно неодинаковая удаленность отдельных регионов от выходов кремня за пределами современной административной границы края и местных окремненных пород и сосредоточение запасов сырья для изготовления макроорудий (сланцев и алевролитов подходящего качества) в южной половине Карелии. В число этих особенностей входит и использование в качестве заготовок для орудий отщепов, а не пластин, что привело к очень слабой степени морфологической стандартизации таких орудий в течение указанного промежутка времени. Кроме этого, к ним следует отнести неупорядоченное использование для изготовления макроорудий в течение неолита, бронзового и раннего железного веков ряда несложных технических приемов, также приведшее к отсутствию морфологической стандартизации готовых изделий. В результате выделяется не набор черт каменного инвентаря для какой-либо культуры, а только отдельные типы. Скорее, можно говорить о статистически

выявляемых тенденциях изменения каменного инвентаря, а также о некоторых региональных отличиях, преимущественно связанных с особенностями локальной сырьевой базы.

Сказанное, разумеется, не означает, что каменный инвентарь Карелии в принципе не позволяет рассматривать вопросы взаимодействия различных культур – учет всей суммы особенностей каменной индустрии той или иной культурной группы предоставляет существенную, хотя и дополнительную информацию. В раннем и среднем неолите на нашей территории существуют две ранненеолитические культуры: сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики, которые различаются как по предпочтению разного сырья (местных пород в культуре сперрингс и импортного кремня в культуре ямочно-гребенчатой керамики, рис. 1), так и по технико-типологическим особенностям инвентаря. Вместе с тем каменный инвентарь более поздних поселений с гребенчато- и ромбоямочной керамикой имеет черты сходства с обеими ранне-неолитическими культурами Карелии. С индустрией культуры сперрингс его объединяют: сходная сырьевая база (см. рис. 1), т. е. предпочтение местных пород для изготовления орудий; в целом идентичная техника первичной обработки орудий на отщепах; единичные кирки (вид сланцевых макроорудий, характерный в первую очередь для культуры сперрингс), сланцевые кольца. С индустрией памятников с ямочно-гребенчатой керамикой – двусторонне обработанные ножи, более тщательная абразивная обработка макроорудий и их четкая геометрическая форма, преобладание трапецевидных в плане макроформ. Таким образом, очень вероятно, что обе ранне-неолитические индустрии участвовали в сложении комплекса черт каменного инвентаря, характерного для памятников с гребенчато- и ромбоямочной керамикой.

С данной индустрией сходен инвентарь памятников с ромбоямочной керамикой. Одинаковыми являются сырьевая база и техника первичной обработки орудий на отщепах. В них совпадают типы бифасов, а такой вид макроорудий, как клевцы, встречен только на поселениях с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой.

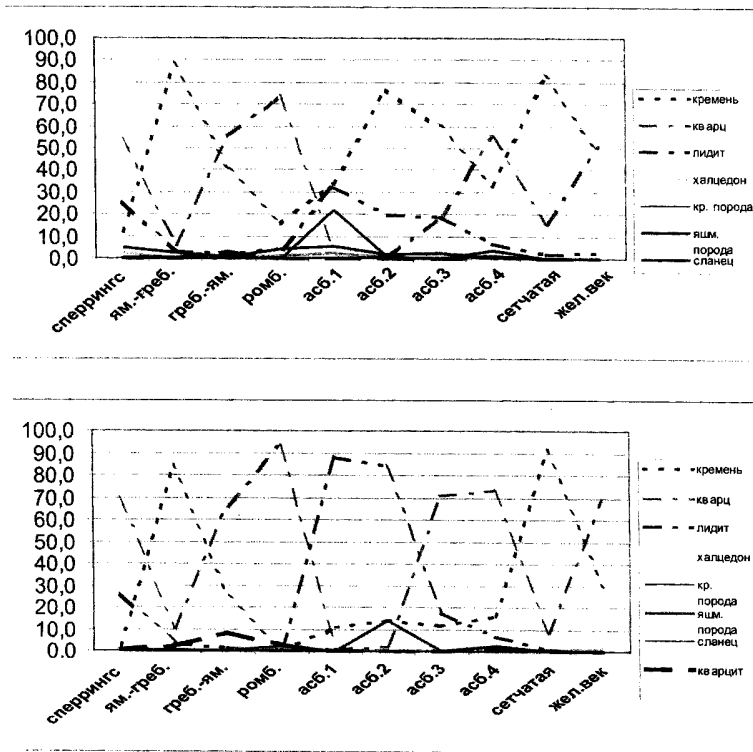

Рис. 1. Изменения в сырьевой базе индустрии орудий на отщепах в течение неолита – раннего железного века на поселениях южной половины Карелии

Вверху – количество орудий на отщепах и нуклеусов, изготовленных из различных горных пород (в процентах от общего количества в выборке по каждому отдельному периоду). Внизу – количество отщепов – отходов производства из различных горных пород (в процентах от общего числа в выборке по каждому отдельному периоду)

Сперрингс – культура сперрингс; **ям. -греб.** – культура ямочно-гребенчатой керамики; **греб. - ям.** – памятники с гребенчато- и ромбоямочной керамикой; **ромб.** – с ромбоямочной керамикой; **асб. 1** – с асбестовой керамикой типа Войнаволок XXVII; **асб. 2** – с ранней асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI; **асб. 3** – с поздней керамикой типа Оровнаволок XVI; **асб. 4** – с асбестовой керамикой типа Палайгуба II; **сетчатая** – культура сетчатой керамики; **жел. век** – памятники железного века (культура лууконсаари)

Индустрия памятников с асбестовой керамикой заметно отличается от непосредственно предшествовавшей, главным образом из-за изменившейся сырьевой базы (см. рис. 1), резко возросшего количества бифасов и перехода к изготовлению орудий преимущественно на отщепах из сколов утончения бифасов – побочных продуктов изготовления двусторонне обработанных орудий из кремня и лидита, существенного усложнения технологии макроформ, выразившегося в становлении технологии русско-карельского типа, а также появления индустрии сланцевого охотничьего вооружения. Тем не менее у поздненеолитических и энеолитических комплексов имеются общие типы бифасов (главным образом вариантов листовидных, иволистных и лавролистных наконечников). Практика изготовления отдельных орудий на отщепах из сколов утончения бифасов существовала уже в позднем неолите, хотя и имела существенно меньшее значение. Первым этапом в становлении русско-карельской технологии в индустрии макроорудий могла быть технология производства макроформ – смещенных бифасов на памятниках с ромбоямочной керамикой; в энеолите, как и в позднем неолите, преобладали трапециевидные в плане макроорудия. Учитывая и то, что в энеолите с асбестовой керамикой сохранялась традиция использования местной самородной меди, можно говорить, что индустрия этого периода сложилась на базе предшествовавшей местной индустрии.

Каменный инвентарь культуры сетчатой керамики бронзового века выглядит совершенно инородным. Прежде всего, об этом позволяют судить такие явления, как почти полный отказ от использования местных материалов (вместо которых применялся импортный кремень) и исчезновение традиции изготовления макроформ русско-карельского типа, совпавшее с резким сокращением самого числа каменных макроорудий и упрощением техники их обработки. Использование самородной меди на поселениях эпохи бронзы также не отмечено. Эти особенности подтверждают ранее высказывавшееся мнение о смене населения в этот период (Косменко, 1996 г) и не позволяют согласиться с предположением о возможности становления культуры эпохи бронзы в Карелии на основе культуры автохтонного энеолитического населения (Сидоров, 1997).

Степень сходства каменного инвентаря эпохи бронзы и раннего железного века оценивать сложно, поскольку в железном веке происходит деградация этого инвентаря. Можно отметить, что типы наконечников стрел (треугольные с выпуклыми боковыми краями с прямой или вогнутой базой), единичные экземпляры которых найдены на поселениях этого периода, существовали и в бронзовом веке.

Все эти наблюдения, на мой взгляд, имеют, скорее, дополнительный характер, в целом подтверждая господствующие представления о взаимоотношениях карельских культур, однако я хотел бы обратить внимание также на возможность существенного различия комплексов каменного инвентаря, относящихся к одной археологической культуре, т. е. имеющих идентичную керамику, но расположенных в разных локальных районах. Эту проблему сейчас можно убедительно проиллюстрировать только на примере памятников с асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI, датирующихся второй половиной III – началом II тыс. до н. э. (Жульников, 1999), расположенных в южной и северной половине ареала этой культуры, т. е. в районе Онежского озера и в Беломорском районе Республики Карелия. Во-первых, памятники южной половины Карелии характеризуются тем, что для изготовления орудий на отщепках на них практически (в сравнении с другими породами) не используется местное кварцевое сырье. Вместо него применяются местные кремнистые породы, прежде всего лидит из месторождений, а также импортный кремень (см. рис. 1). Из них массово изготавливаются бифасы, и отходы производства крупных бифасов-наконечников используются для изготовления орудий на отщепках. На поселениях Беломорского района доля кварцевых орудий и отходов относительно изделий из кремня уже более заметна, при этом лидит встречается весьма редко. Во-вторых, на памятниках южной половины Карелии в большом количестве находятся макроорудия, подавляющее большинство которых относится к так называемому русско-карельскому типу с трапециевидным поперечным сечением. В том числе массово представлены заготовки этих изделий и известны мастерские, на которых производилось их изготовление (Гарасов, 2003). В северной половине Карелии вместе с тем имеются только единичные экземпляры макроорудий.

Среди них известны орудия русско-карельского типа, однако полностью отсутствуют их заготовки, и более вероятно, что такие формы импортировались из южной половины региона.

В обоих случаях эти различия, вероятнее всего, могут быть объяснены различиями в локальной сырьевой базе, а именно отсутствием лидита и качественных сланцев и алевролитов в северной части Карелии. Недостаток в сырье здесь покрывался за счет более активного использования кварца, а также, вероятно, кости и рога для производства макроорудий – такие изделия были найдены на поселении Тунгуда XXVII (Жульников, 1999, рис. 66). Тем не менее действием сырьевого фактора сложность вопроса не исчерпывается.

Сланцевые орудия русско-карельского типа известны и за пределами Карелии. Они встречены на территории Вологодской и Ленинградской областей, в Финляндии и Эстонии, где их называют орудиями восточнокарельского типа. В Эстонии они связываются с комплексами с гребенчато-ямочной керамикой. При этом так же, как и в северной половине Карелии, здесь неизвестны заготовки таких вещей, имеются только готовые формы. Эти обстоятельства позволяют обоснованно говорить об импорте орудий русско-карельского типа (Кларк, 1953; Гурина, 1974) на территории других культур. Таким образом, помимо сырьевого фактора добавляется еще один: вовлеченность каменных орудий в систему хозяйственно-экономической активности древнего населения, включающую и обменные отношения с населением соседних территорий.

В результате действия этого фактора сходные особенности индустрии могли возникнуть у разных групп населения и, наоборот, различные особенности – у групп «этнически» однородных. Здесь можно сослаться на один интересный этноархеологический пример. В ряде районов современной Новой Гвинеи различные типы макроорудий являются результатом существования полунаследственных производственных коллективов, обладающих правом монопольного пользования каким-либо одним месторождением сырья и изготовления инструментов из этого сырья. При этом данные коллективы включают только часть жителей близлежащих к месторождению поселений и все вместе входят в одну и ту же культурно-языковую группу Дани (Hampton, 1999).

Вовлеченность каменных орудий в систему хозяйственно-экономической активности древних обществ и будет предметом рассмотрения основной части настоящей работы. Точнее говоря, ее предметом считают тот аспект становления древней культуры, который имеет отношение к проблеме социально-экономического развития и усложнения структуры первобытных обществ на территории Карелии, при этом анализ будет основываться преимущественно на одной категории источников – каменном инвентаре. Безусловно, при решении таких задач необходимо использовать весь доступный корпус источников, однако в условиях Карелии лишь каменный инвентарь сейчас позволяет реконструировать полную или почти полную производственную цепочку в рамках самостоятельной и законченной индустрии – индустрии каменных орудий. И именно каменный инвентарь является наиболее многочисленной категорией находок.

Индустрия каменных орудий и возможности реконструкции социально-экономического развития в первобытную эпоху

Попытки использовать археологические материалы для реконструкции процессов социально-экономического развития обществ первобытной эпохи вряд ли можно считать частыми в отечественной традиции. Между тем вопросы социального развития не менее достойны специального изучения, чем этнические процессы. Мы не можем отрицать очевидного факта усложнения человеческого общества, и при рассмотрении материалов целого ряда эпох необходимо учитывать, что они создавались в рамках обществ, которые могли значительно различаться между собой.

Данная статья представляет собой попытку если и не заполнить существующий пробел в наших знаниях о древнейших обществах на территории Карелии (претендовать на это было бы преждевременно), то по крайней мере обратить внимание на обозначенные проблемы и наметить пути их решения.

На мой взгляд, наиболее перспективным направлением является подход, постулирующий связь особенностей социального (социально-экономического устройства) коллектива и технологии (технологий), которой этот коллектив владеет, которую он

поддерживает и развивает. Следующее заявление может показаться спорным: технология – это наиболее значительная особенность человеческой культуры, основа ее существования. Как известно, человеческое сообщество, в отличие от других сообществ живых существ, функционирует в условиях той среды, которую оно само себе создает, а не в тех, которые были даны ему изначально. Владение различными техниками преобразования природных объектов и определенная система в их использовании (технология) – это как раз та специфическая способность, которая с течением времени позволяет свести к минимуму воздействие природных закономерностей и зависимость от них. Уходя из природной среды обитания в собственную, рукотворную среду, человечество заменило воздействие природных закономерностей закономерностями социальными, характер и сила влияния которых с течением времени становились все более и более значительными. Таким образом, в процессе создания и изменения материальных условий возникло такое исключительное явление, как человеческое общество.

Что еще более важно, этот процесс создания, воссоздания и пересоздания общества и человеческих личностей в ходе технологической практики является перманентным и никогда не прекращается. Трансформации общества при переходе к производящему хозяйству, или неолитической революции по Г. Чайлду, в ходе индустриальной и информационной революций – наиболее яркие примеры взаимозависимости технологии и социальной структуры. Используя определение, данное М. Добрес (Dobres, 2000, p. 129), можно сказать, что «технологии – это имеющие фундаментальное значение акты взаимодействия социума с материальным миром, в которых отображаются и в которых сталкиваются социальные нормы и суждения... экспериментальная природа технологической практики создает знания, умения и ценности, которые непосредственно используются для достижения как утилитарно-практических, так и политических целей... Фундаментальная основа технологий – это люди, это сообщества, формирующиеся в ходе практики и осознающие свое единство, и социальные отношения, возникающие в результате производства».

Археология постоянно имеет дело со следами древних технологий. Более того, практически весь комплекс источников этой дисциплины, изучающей материальные остатки человеческого прошлого, является непосредственным результатом технологической активности древних коллективов. В связи с этим неудивительно, что исследования, связанные со всем комплексом технологических проблем, включая особенности производства орудий и их использования, завоевывают в последнее время все большую популярность. Таким активно развивающимся направлением исследований в последнее время стал подход «*chaîne opératoire*» (операциональная цепь), предложенный ранее французским исследователем А. Леруа-Гураном (Shlanger, 1990; Creswell, 1990; Edmonds, 1990; Bar-Yosef et al., 1992, p. 516; Dobres, 2000).

В отличие от подхода типологического, занимающегося выделением устойчивых статичных форм, «*chaîne opératoire*» направлен на реконструкцию полного цикла «жизни» каменного артефакта. «Жизнь» артефакта проходит такие этапы, как добыча сырья, изготовление из куска породы, использование, подновление рабочего края, переоформление в другое орудие и конечный отказ от его дальнейшего использования, «препровождение на помойку». Изучение всех этих моментов требует полного анализа предметов той или иной коллекции вместе с заготовками, обломками и отщепами. В результате реконструкции данной «последовательности операций» обнаруживается тот или иной выбор, сделанный древним человеком в ходе его производственной практики (Bar-Yosef et al., 1992, p. 511). Наиболее часто повторяющийся выбор (выборы) характеризует техническую традицию той или иной группы людей, оставивших изучаемый памятник. Подобная техническая традиция – это зачастую единственное, что доступно непосредственному изучению из всего комплекса древней культуры.

Как отмечает М. Добрес, «*chaîne opératoire*» позволяет установить «синтаксис», внешнюю структуру человеческой деятельности (Dobres, 2000). Безусловно, социальные явления, породившие данную структуру, не могут быть выведены из нее напрямую, однако без обнаружения такой структуры о них нельзя говорить вообще.

При этом немаловажно, что именно программа, нацеленная на воссоздание всего производственного цикла в каменной индустрии, позволяет извлечь информацию, довольно подробно освещающую проблемы социально-экономической истории. «Поведенческий» подход позволяет показать особенности стратегии приобретения сырья и эффективности его утилизации, оценить сложность и «коэффициент полезного действия» используемых технологий, разнообразие инструментального набора и «развитость» социально-экономической системы в целом.

При реконструкции «операциональной цепи» необходимо проводить тщательный анализ множества культурных остатков, в полной мере использующий возможности трасологического метода, метода технологического анализа, подробного анализа пространственной структуры древних поселений. В данной работе реконструирована не вся «цепь», а только отдельные участки, однако в процессе предварительного анализа удалось отметить ряд особенностей каменной индустрии карельских культур периода неолита – раннего железного века, свидетельствующих о процессах усложнения культуры (как нарастания числа явлений и связей между ними). Эти процессы в свою очередь могут служить ключом к сути сопровождавших и вызывавших их социальных процессов. Анализ наших источников позволил предложить характеристику изменений в мобильности населения, процессов разделения труда, т. е. появления специализации в производстве, и возможного усложнения самой социальной структуры. Переходя к описанию сделанных наблюдений, хочу подчеркнуть, что в работе поднимается вопрос только о сути социальных изменений, а не о той конкретной форме, в которой они могли проходить.

Изменения в степени мобильности древних коллективов

Основной период использования каменных орудий охватывает эпоху первобытного общества и присваивающего хозяйства. Степень зависимости человеческих коллективов от условий окружающей среды в этот период была наибольшей. В связи с этим рассмотрение социально-экономических вопросов следует начать со

стратегий экологической адаптации. При этом может оказаться полезной модель поведения охотников и собирателей, которую в свое время разработал Л. Бинфорд на основании изучения эскимосов-нунамиутов (см.: Odell, 1996, p. 47).

Л. Бинфорд выделил два варианта мобильности коллективов с подобным типом хозяйства. «Резидентная» (residential) мобильность предполагает передвижение всего коллектива на новый участок и пребывание его там до полного истощения ресурсов с последующей миграцией на новое место, т. е. люди здесь движутся за ресурсами. «Логистическая» (logistic) мобильность заключается в организации универсальных лагерей-баз, с которых отдельные группы отправляются в промысловые экспедиции, т. е. уже ресурсы «перемещаются» к людям. В данном случае имеет место относительно оседлый образ жизни, по крайней мере на сезонной основе (Boydston, 1989, p. 75; Odell, 1996, p. 52). Эти варианты отражаются в каменном инвентаре через явление, обозначенное им термином «поддержание» («curation»). В настоящее время под этим термином подразумевается ряд операций по изготовлению и использованию орудий: создание полифункциональных инструментов, транспортировка сырья и орудий с одного места на другое, их подновление и переоформление в орудия с иным назначением (Odell, 1996, p. 52).

В «поддерживаемых» (curative) индустриях орудия производятся для будущего использования, сохраняются и перед окончательным отбрасыванием несколько раз подвергаются ремонту или переоформлению. В «неподдерживаемых» (expedient) они изготавливаются в связи с непосредственно возникшей потребностью и выбрасываются сразу после того, как эта задача была выполнена (Boydston, 1989, p. 76). В первом случае большое значение имеет качество изделия, и поэтому на его изготовление тратятся существенные ресурсы, прежде всего значительное время и ценное сырье. Во втором – наоборот, предпочитают легко- и быстродоступные материалы, пусть и невысокого качества, и наиболее быстрые способы изготовления.

Последующая критика выяснила, что подобная схема несколько упрощает реальную ситуацию (Odell, 1996; Nash, 1996). Равно как

активность реальных обществ нередко комбинирует оба варианта, описанных в модели, так и «поддерживаемые» технологии и орудия сочетаются с «неподдерживаемыми» в одной и той же исторической индустрии. Отдельные составляющие концепции «поддержания» и даже одни и те же, но в разном контексте могут свидетельствовать о разных вещах. Тем не менее это вряд ли умаляет ее значение, поскольку она, пусть и в идеализированном виде, действительно отражает реальные особенности экономической практики охотников и собирателей.

Выбор тем или иным обществом резидентной или логистической стратегии адаптации зависит не только от условий окружающей среды, но и от уровня развития и особенностей организации самого общества.

Вернемся непосредственно к каменной индустрии на территории Карелии. Группа орудий на отщепах, т. е. орудий с функциями скобления, резания и перфорирования, изготовленных из сколов (пластин, отщепов, пластинчатых отщепов) из кремненных материалов и кварца, в целом является «неподдерживаемой», в то время как бифасы и макроорудия – группы «поддерживаемые», однако такое обобщение не совсем корректно. Обоснованнее ставить вопрос о той или иной степени «поддерживаемости» индустрии и отдельных ее элементов.

Так, индустрия орудий на отщепах культуры сперрингс является целиком неподдерживаемой. Она ориентируется на локальное низкокачественное сырье, по всей видимости, собранное в окрестностях поселений, и использует наиболее простые технологии получения отщепов с низким «коэффициентом полезного действия» (рис. 2, 3). В этой связи следует отметить, что доля продуктов биполярного расщепления (или дробления нуклеуса, установленного на жесткой наковальне с помощью сильных отвесных ударов каменным отбойником) на поселениях этой культуры наибольшая среди всех остальных культур. Кроме того, показательно, что число нуклеусов почти равняется количеству орудий на отщепах, а сами орудия на отщепах составляют ничтожный процент среди отходов,

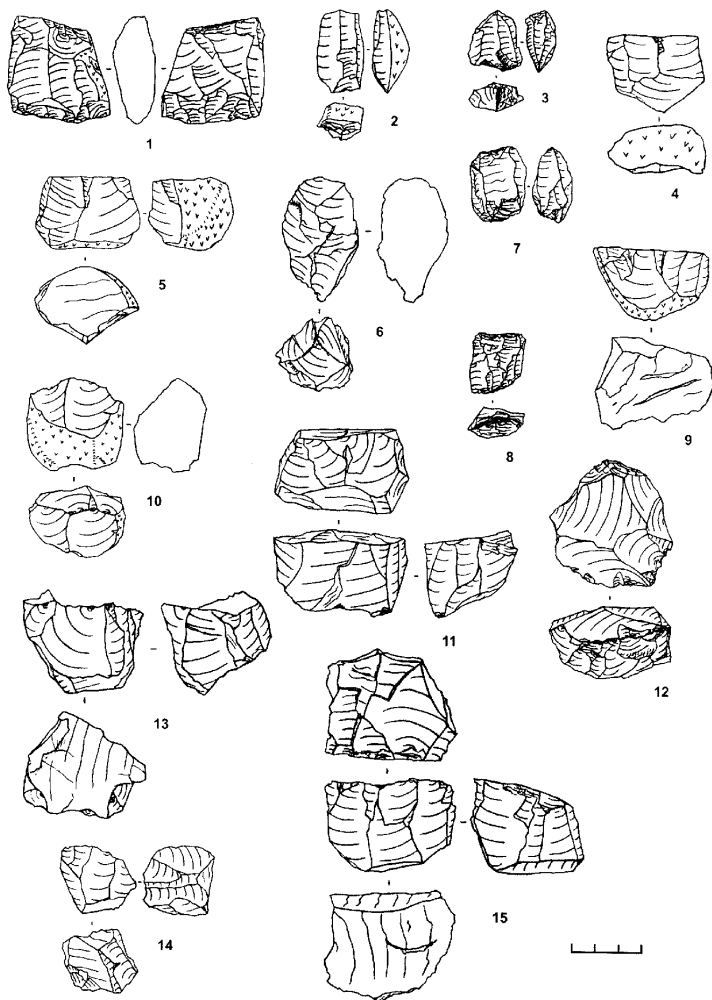

Рис. 2. Нуклеусы для специализированного производства отщепов

1–3, 6–8 – биполярные нуклеусы; 4, 5, 9, 11, 13–15 – призматические нуклеусы; 10 – чоперовидный нуклеус; 12 – дисковидный нуклеус; 1–5, 8, 14 – культура сперрингс (1–4, 8 – Уя III; 5 – Оровнаволок VI; 14 – Пегрема IX). 9, 11 – культура ямочно-гребенчатой керамики (9 – Оровнаволок IV, 11 – Пиндуши II). 6, 13 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (Черная Губа III); 10, 15 – культура асбестовой керамики (10 – Кочнаволок II, 15 – Тунгуда V); 12 – культура сетчатой керамики (Горелый Мост V). 7 – культура лууконсаари (Пичево); 1, 8 – лидит; 2–7, 9–11, 13–15 – кварц; 12 – кремнь

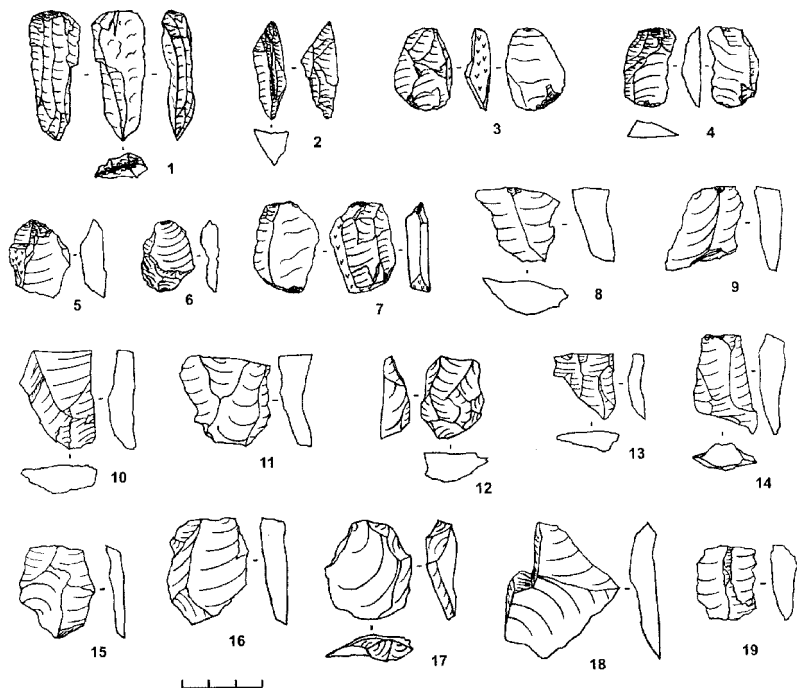

Рис. 3. Отщепы, полученные при срабатывании нуклеусов для специализированного производства отщепов

1–7 – сколы с биполярных нуклеусов; 8–11, 13, 14, 19 – сколы с призматических нуклеусов; 12, 15–18 – сколы с чопперовидных и дисковидных нуклеусов; 1–5, 7–14, 17, 19 – культура сперрингс (1–5, 7–10, 13, 19 – Уя III; 11 – Оровнаволок VI; 12, 14, 17 – Пегрема IX). 6 – культура ямочно-гребенчатой керамики (Черная Речка I); 15, 16, 18 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (Войнаволок IX); 1 – лидит; 2–5, 7–17, 19 – кварц; 15, 16, 18 – кварцит

т. е. индекс утилизации очень низкий (Тарасов, в печати). В данном случае это свидетельствует о производстве большого количества отщепов, которые не могут быть использованы, притом, что нуклеусы подвергаются сильному срабатыванию. Впрочем, надо оговориться, что большая часть орудий без вторичной обработки (использованные отщепы) могла остаться нераспознанной, поскольку не применялся трасологический анализ.

Степень «поддерживаемости» на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой несколько выше. Прежде всего, на них представлена постепенно исчезающая на территории Карелии индустрия производства пластин, т. е. «регулярных» отщепов с острыми параллельными краями. Помимо пластин к «поддерживаемым» элементам следует отнести почти исключительное использование кремневого сырья, однако технология первичной обработки в большинстве случаев также направлена на получение отщепов (см. рис. 2, 3). И именно такого рода отщеповые технологии сохраняются в позднем неолите. Таким образом, начальный период неолита на территории Карелии характеризуется устранением «поддерживаемых» элементов из индустрии орудий на отщепах. Стратегия «поддержания», представленная технологией производства пластин, полностью уступает место «неподдерживаемой» индустрии.

Почти одновременно с этим возникает другой вариант «поддерживаемой» технологии – технология изготовления бифасов, побочные продукты которой, сколы утончения бифасов, использовались для орудий на отщепах (рис. 4, 5). Конечно, изготовление орудий из таких сколов, скорее всего, также происходило при возникновении той или иной конкретной задачи и вряд ли они долго находились в употреблении. Вместе с тем их нельзя отделить от самой бифасиальной индустрии, они являлись элементами одной и той же системы. Существенно и то, что увеличение доли орудий из сколов утончения бифасов сопровождалось такими явлениями, как нарастание количества лезвий на одном орудии и доли геометрически оформленных типов инструментов.

В последующем мы часто имеем дело с сочетанием обеих стратегий при преобладании «неподдерживаемой» в комплексах с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, а также на поселениях позднего энеолита и противоположной ей – в комплексах эпохи энеолита с асбестовой керамикой. В бронзовом веке на памятниках с сетчатой керамикой представлен почти исключительно лишь один «поддерживаемый» вариант. В раннем железном веке – только «неподдерживаемый».

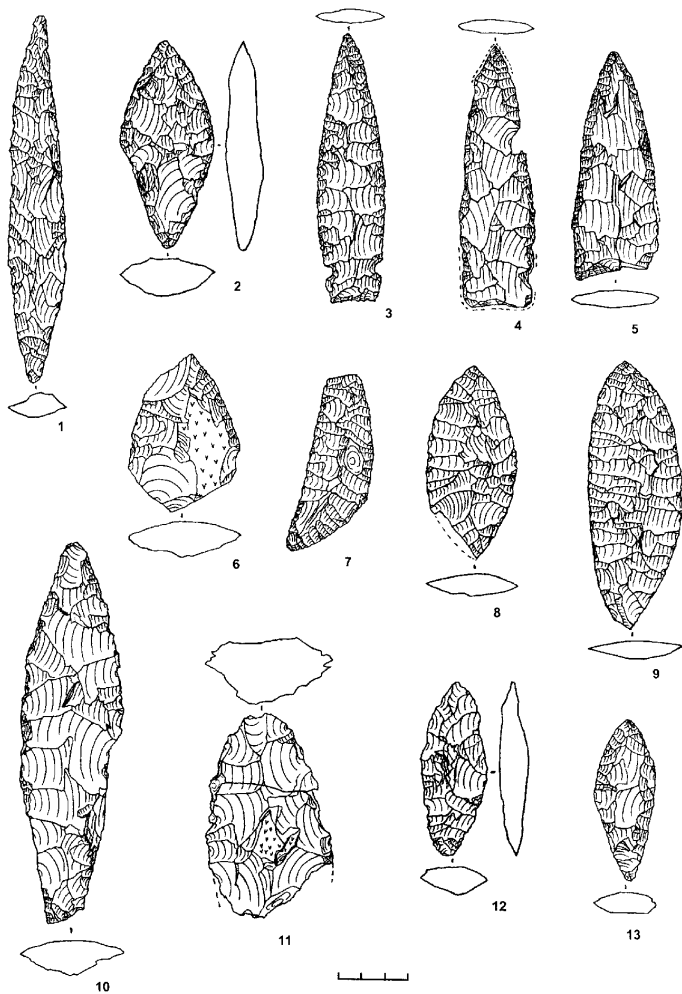

Рис. 4. Бифасы

1–5, 8, 13 – наконечники дротиков; 7, 9 – двусторонне обработанные ножи; 6, 10–12 – заготовки бифасов; 9, 12 – культура ямочно-гребенчатой керамики (9 – Оровнаволок IV; 12 – Черная Речка VI). 2, 6, 7, 8, 13 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (2, 8 – Черная Губа IV; 6, 7, 13 – Вигайнаволок I). 1, 4, 10 – культура асбестовой керамики (1, 10 – Войнаволок XXVII; 4 – Тунгуда V). 3, 5, 11 – культура сетчатой керамики (3 – Горелый Мост VIII, 5 – Горелый Мост VI, 11 – Усть-Водла II); 1, 10 – лидит; 2–9, 11–13 – кремль

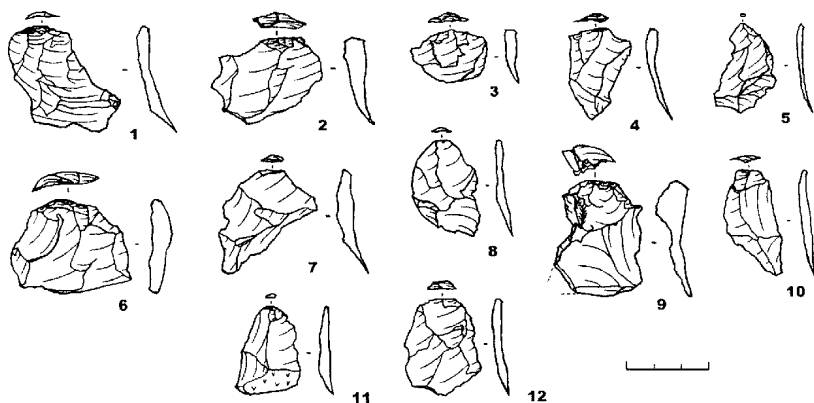

Рис. 5. Сколы утончения бифасов

1–5 – памятники с асбестовой керамикой (Черная Губа IX, жилище с асбестовой керамикой); 6–12 – культура сетчатой керамики (Горелый Мост VI); 1–5 – лидит, 6–12 – кремь

Обобщенная последовательность развития получается примерно следующая: один вариант «поддерживаемой» индустрии через длительную эпоху господства «неподдерживаемой» сменяется другим, в корне отличным ее вариантом. При этом первый из них, уже в самом начале неолита составлял только одну, небольшую часть всей индустрии. Оба этих варианта, при всех их преимуществах, связаны с двумя существенными ограничениями: они требуют довольно качественного, хотя и не во всем идентичного, сырья и наличия подготовленных специалистов. Нет ничего удивительного в том, что в условиях каменного века такого рода специалистами становились если не все, то многие члены коллектива. Тем не менее так или иначе требовалось некоторое время на их обучение. Помимо этого, весьма велик был риск испортить нуклеус или заготовку бифаса.

Общество охотников и собирателей находится под сильным давлением окружающей среды и постоянно испытывает риск неудачи в приобретении достаточного количества ресурсов, прежде всего ресурсов пищевых. В связи с этим любые технологические изменения вряд ли возможны, если они приводят к увеличению

этого риска. Скорее наоборот, они должны быть направлены на его уменьшение (Torgence, 1989, p. 58). Поэтому если на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой изготавливались пластины, а на поселениях эпохи неолита и бронзового века существовала традиция довольно массового производства бифасов, несмотря на описанные выше неудобства, то те преимущества, которые они давали, были необходимы для выживания коллектива.

Как известно, отжимные небольшие пластины и микропластины, а именно они представлены на проанализированных поселениях в первую очередь, обычно являлись вкладышами составных орудий. В таком случае они представляют такую разновидность «поддерживаемой» индустрии, которая направлена на изготовление легко и быстро «ремонтируемых» инструментов (Torgence, 1989, p. 62). «Ремонтируемые» (maintainable) орудия (согласно определению П. Блида) могут быть частично повреждены в процессе использования, однако они быстро восстанавливаются с помощью набора стандартных элементов, т. е. в данном случае вкладышей. Такие инструменты лучше всего подходят для ситуаций непрерывного или, наоборот, неожиданного использования, когда требуется быстрая реакция на внезапно возникшую проблему (Torgence, 1989, p. 62).

Между тем, следуя концепции П. Блида, бифасы в целом можно определить как инструменты «надежные» (reliable). Они спроектированы таким образом, чтобы избежать повреждения в процессе использования. Поскольку окончательно устранить такой риск невозможно, он минимизируется дублированием, изготовлением резервных экземпляров снаряжения. «Надежные» орудия используются время от времени, при этом моменты их применения заранее запланированы (Torgence, 1989, p. 62).

Поскольку существование как пластинчатой, так и бифасиальной индустрий связано со значительными затратами, это может быть оправдано в том случае, если коллектив сталкивается с серьезными рисками, такими, которые эти индустрии действительно способны уменьшить. В экономике охотников и собирателей такие риски должны быть связаны прежде всего с охотой. Означает ли это, что в неолите, когда пластины вышли из употребления, а роль

бифасов в каменной индустрии оставалась незначительной, древним населением Карелии был сделан выбор в пользу ведущей роли рыболовства? Для рыболовства, конечно, также необходимо сложное снаряжение, однако оно изготавливается главным образом из органических материалов. Основания для утвердительного ответа на данный вопрос имеются. Тем не менее это не более чем гипотеза, которая на данный момент не может быть доказана. Охотничье снаряжение могло быть изготовлено из органических материалов, и если так, то оно просто не сохранилось до наших дней.

Необходимо также объяснить, почему после вероятного увеличения роли охоты на исходе неолита и в энеолите населением воспринимается уже не пластинчатая, а бифасиальная индустрия. Согласно П. Блиду, «ремонтируемые» орудия больше характерны для тех условий, когда ресурсы относительно многочисленны, однако для их добычи требуется быстрая реакция, т. е. риск имеет мгновенный (временной) характер. Вместе с тем «надежные» орудия предпочитают, если сами ресурсы относительно ограничены, например доступны в течение одного сезона, и для их успешной добычи требуется планомерная организация человеческой деятельности (Togtense, 1989, p. 63). Первый вариант, пожалуй, больше соответствует мобильной экономике, когда люди движутся за ресурсами. Второй – «логистически» организованной, т. е. в значительной степени оседлой.

Такому заключению, правда, противоречит ряд наблюдений относительно каменных индустрий некоторых палеоиндейских культур в Северной Америке, в которых увеличение доли «формальных», «поддерживаемых» орудий, представленных прежде всего бифасами, происходило при увеличении мобильности. И наоборот, оседлое население переходило к использованию «неподдерживаемых» отщеповых индустрий (Andrefsky, 1998, p. 214–217). Тем не менее очень существенно то, что это происходило в условиях неограниченного доступа к каменному сырью высокого качества. В таких условиях, если мобильные группы и нуждались в том, чтобы более эффективно расходовать сырье на изготовление набора орудий, которые они постоянно переносили с собой, то оседлые коллективы не имели такой острой необходимости и вполне могли

быть «расточительнее». В условиях же Карелии, наоборот, потребность в эффективных инструментах сопровождалась значительными трудностями в получении сырья для их изготовления, поэтому вывод о том, что возрастание роли бифасиальной индустрии является одним из свидетельств перехода к более оседлому образу жизни, по-прежнему имеет под собой основания. Этот пример, однако, показывает, что при обсуждении таких вопросов мы сталкиваемся не с жесткими закономерностями, а с тенденциями. И то, какую именно форму примет человеческая культура, зависит от множества случайных факторов.

Для более обоснованного заключения относительно степени оседлости древнего населения отмеченные тенденции развития каменного инвентаря необходимо сравнить с тенденциями развития других элементов материальной культуры. В первую очередь нас должны интересовать система расселения, типология и организация поселений, конструкция жилищ. Подробное рассмотрение всех этих элементов может стать темой отдельной большой работы. В данном предварительном анализе можно ограничиться кратким рассмотрением современных сведений об основных особенностях жилищ древнего населения Карелии.

Жилища культуры сперрингс на территории Карелии до настоящего времени надежно не выявляются (Витенкова, 1996а, с. 67). Только на поселении Илекса V, возможно, имеются следы наземного сооружения (Косменко, 1992, с. 47–48). Жилища культуры ямочно-гребенчатой керамики известны лишь на ее двух поздних поселениях – Вигайнаволок I и Пегрема V. Они представляют собой слегка углубленные в землю прямоугольные сооружения, однако их устройство надежно не реконструируется (Панкрушев, Журавлев, 1966; Журавлев, 1986; Лобанова, 1996а, с. 87). Таким образом, следы жилищ раннего неолита на поселениях не обнаружены и можно предположить, что использовались наземные, легкие, вероятно, переносные постройки.

По мнению И. Ф. Витенковой (2002а, с. 57), в позднем неолите «на территории Карелии происходит постепенное сложение срубного жилища, но применительно к памятникам с гребенчато-ямочной посудой этот процесс еще не завершился». На поселениях

с гребенчато-ямочной керамикой известны подпрямоугольные полуземлянки площадью 30–40 м², однако очертания стенок и углов нечеткие, следы деревянных срубов не обнаружены. Подобные постройки известны на поселениях с ромбоямочной керамикой, но они чаще подквадратные в плане. Некоторые из них достигают площади 100 м² и имеют два выхода (Журавлев 1991, с. 13–73; Витенкова 1996б, с. 153). Наконец, на поселениях эпохи энеолита с асбестовой керамикой исследованы многочисленные срубные, углубленные в землю прямоугольные и квадратные постройки с одним или двумя выходами (Жульников, 1999, с. 34). Некоторые из них имеют площадь больше 100 м². Следовательно, в энеолите фиксируется развитая традиция строительства долговременных жилищ.

Таким образом, нарастание «поддерживаемых» элементов в каменной индустрии в целом совпадает с процессом становления прочных долговременных жилых построек. Эти постройки могут означать становление относительно оседлого образа жизни. По всей видимости, в течение позднего неолита происходит переход к новому хозяйственно-культурному типу: тип кочевых охотников – рыболовов-собирателей сменяется типом оседлых охотников – рыболовов – собирателей. В энеолите на памятниках с асбестовой керамикой этот тип выступает уже в сложившемся виде. Вывод о сложении такого хозяйственно-культурного типа был сделан, например, для синхронной волосовской культуры (Жилин, 2002б, с. 122). В то же время необходимо еще раз оговориться, что речь, скорее, может идти только об относительной оседлости, т. е. оседлости на сезонной основе. Среди энеолитических поселений Карелии были выделены не только круглогодичные, но и сезонные – зимние и летние (Жульников, 1999, с. 29, 80–83).

Такие явления, как использование различного качественного сырья, разнообразный набор инструментов, тщательность их обработки и соответственно их высокое качество, могут быть составной частью данного хозяйственно-культурного типа. Вероятно, он основывался на планомерной организации эксплуатации различных природных ресурсов и предполагал сочетание рыболовства, собирательства, различных способов охоты на лесных, а на побережье Белого моря также и на морских животных.

Причины становления новой хозяйственной системы вряд ли могут быть определены в рамках данной работы. Маловероятно, чтобы трансформация экономики и культуры произошла под воздействием климатического фактора. Хотя начало энеолита и совпадает со сменой атлантического периода суббореалом, климатические изменения не имели такого же катастрофического характера, как те, которые сопровождали начало голоцена и влияли на трансформацию палеолитической культуры в мезолитическую. Вероятной причиной могло быть перенаселение, однако никаких доказательств этого на территории Карелии на данный момент нет, как неясны и причины возможного резкого увеличения численности ее обитателей.

В позднем энеолите (в конце III – первой половине II тыс. до н. э.) происходит заметное упрощение культуры, особенно каменной индустрии. На поселениях южной половины Карелии в это время снова активно использовалось кварцевое (некачественное) сырье, а также мягкие разновидности сланцев и алевролитов. Большинство сколов-заготовок для орудий на отщепках получалось в рамках «неподдерживаемой» индустрии, т. е. при срабатывании нуклеусов для производства отщепов. Меньшее значение в каменной индустрии стали играть бифасы, заметно уменьшились средние размеры орудий. Хозяйственная система в целом должна была оставаться примерно такой же, как и во второй половине III тыс. до н. э. В это время сохраняются, хотя и уменьшаются в размерах, прямоугольные жилища (Жульников, 1999, с. 79). Доля бифасов все же остается заметной, сохраняется индустрия сланцевого охотничьего вооружения.

Данные относительно бронзового века противоречивы. С одной стороны, каменный инвентарь может быть оценен как «поддерживаемый», поскольку так же, как и энеолитический, он в первую очередь представлен продуктами бифасиальной индустрии. Морфологические варианты бифасов очень разнообразны. Практически исчезнувшие в этот период каменные макроорудия могли заменяться металлическими. С другой – традиция строительства долговременных жилищ в этот период не обнаруживается. Следы построек имеются только на двух поселениях – Келка III и

Елменкоски I, при этом в обоих случаях они реконструируются как легкие сооружения типа чумов (Косменко, 1996е, с. 191). Следует все же упомянуть, что на поселении Сумозеро XV, возможно, имеются следы двух наземных подпрямоугольных построек, очертания которых улавливаются по распространению находок (Жульников, 2003, с. 82–84).

Жилища на поселениях раннего железного века не выявляются (Манюхин, 1996, с. 223; Косменко, 1996д, е, с. 240, 254, 259). Каменная индустрия в целом может быть охарактеризована как «неподдерживаемая». Вывод о подвижном образе жизни населения в данный период довольно обоснован, но следует учесть, что каменный инвентарь в это время резко теряет свое значение и поэтому его информационная ценность снижается.

Индустрия каменных макроорудий и становление специализации в производстве

Стратегия изготовления макроорудий, т. е. крупных, как правило, деревообрабатывающих, орудий, так же, как и бифасов из окремненных пород, является «поддерживающей» (survative) по определению. В то же время обзор ее технологического развития, который не может быть подробно охарактеризован в рамках данной статьи, показывает, что необходимо говорить по крайней мере о разной степени «поддерживаемости» индустрии макроформ.

У культуры сперрингс эта степень была наименьшей. Это видно по низкому качеству сырья, т. е. мягких разновидностей сланцев и алевролитов, по простоте используемых технологий, основанных на неупорядоченном использовании разнообразных несложных техник, прежде всего различных вариантов краевой оббивки и пиления. В конечном счете можно говорить о низком качестве готовых инструментов, часто не обладающих строгой формой и чаще небрежно зашлифованных.

В последующее время происходит постепенное нарастание «поддерживаемости». Существенный скачок в развитии происходит в период энеолита, когда возникает индустрия макроорудий «руско-карельского типа» (с трапециевидным поперечным сечением) (рис. 6). Орудия этого типа изготавливались по сложной

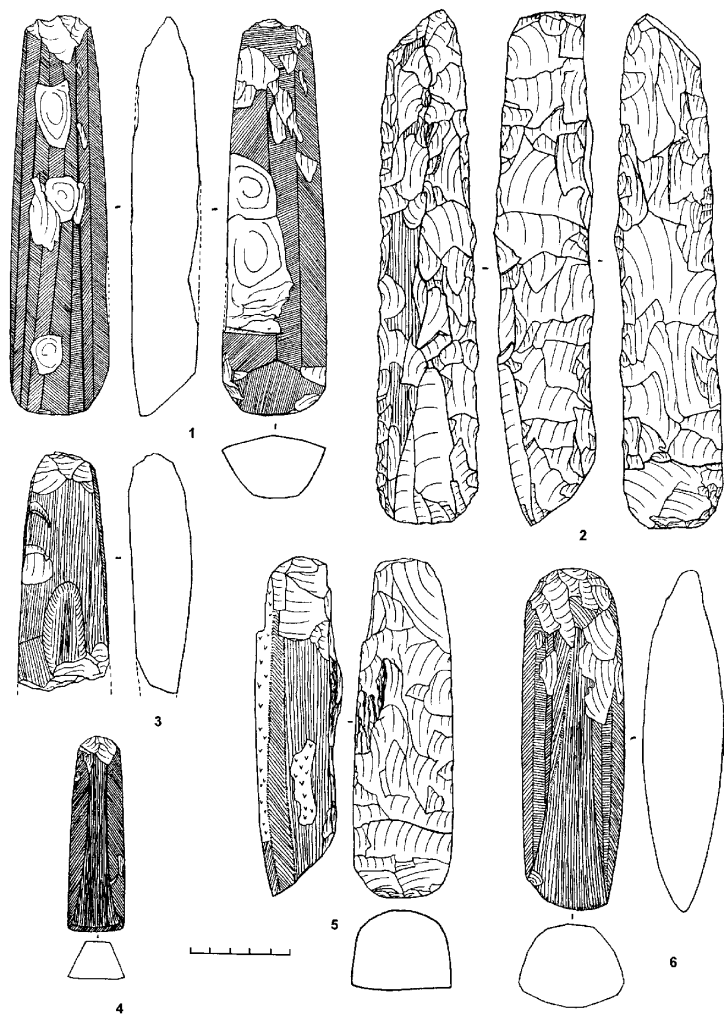

Рис. 6. Макроорудия «русско-карельского типа» (культура асбестовой керамики эпохи энеолита)

1 – желобчатое тесло (без вышлифованного желоба); 3 – желобчатое тесло, обломок; 4 – тесло; 6 – топор (применялся в качестве мотыги); 2, 5 – заготовки желобчатых тесел на стадии шлифования; 1–3, 5 – Войнаволок XXVII; 4 – Черная Губа IX; 6 – Фофаново XIV; 1–6 – алевролит, сланец

технологии, которая характеризуется использованием техники удара через посредник, применявшейся и для изготовления макроорудий на территории Скандинавии, и стадиальной последовательностью расщепления, а также очень качественной завершающей абразивной обработкой. «Русско-карельская» технология почти вытесняет остальные технологические схемы, что приводит и к высокой морфологической стандартизации индустрии макроорудий (рис. 7). Немаловажно и появление специализированных стоянок, на которых происходило изготовление макроформ. Такие стоянки были недавно исследованы в низовье р. Шуи на западном берегу Онежского озера (прежде всего Фофаново VI, XIII, XIV) (Тарасов, 2003). Для производства инструментов в этой индустрии использовалось почти исключительно сырье высокого качества, т. е. твердое и однородное, что не было характерно для индустрий макроорудий предшествовавших периодов (Тарасов, 2004, с. 82). Наконец, следует отметить, что среди каменных макроорудий в раннем энеолите очень широко представлены такие сложные формы, как желобчатые тесла и круммейсели.

В бронзовом веке, наоборот, наблюдается резкая деградация и упадок индустрии, которые выражаются в резком количественном уменьшении каменных макроорудий, примитивной технологии их изготовления и небрежной обработке.

Качество – свойство относительное. Очевидно, что качество орудий культуры сперрингс, например, вполне удовлетворяло потребности общества носителей этой культуры. Усложнение и совершенствование индустрии макроформ, которое происходило в последующее время, свидетельствуют об изменении самих общественных потребностей.

Использование качественного твердого сырья, четкие геометрические формы изделий и, отчасти, их значительные размеры, разнообразный видовой набор с заметной долей инструментов для сложной обработки дерева (желобчатых тесел, круммейселей) могут быть объяснены становлением нового хозяйственно-культурного типа и относительно оседлого образа жизни. Развитые традиции домостроительства, несомненно, предъявляли высокие требования к деревообрабатывающим инструментам, но само по

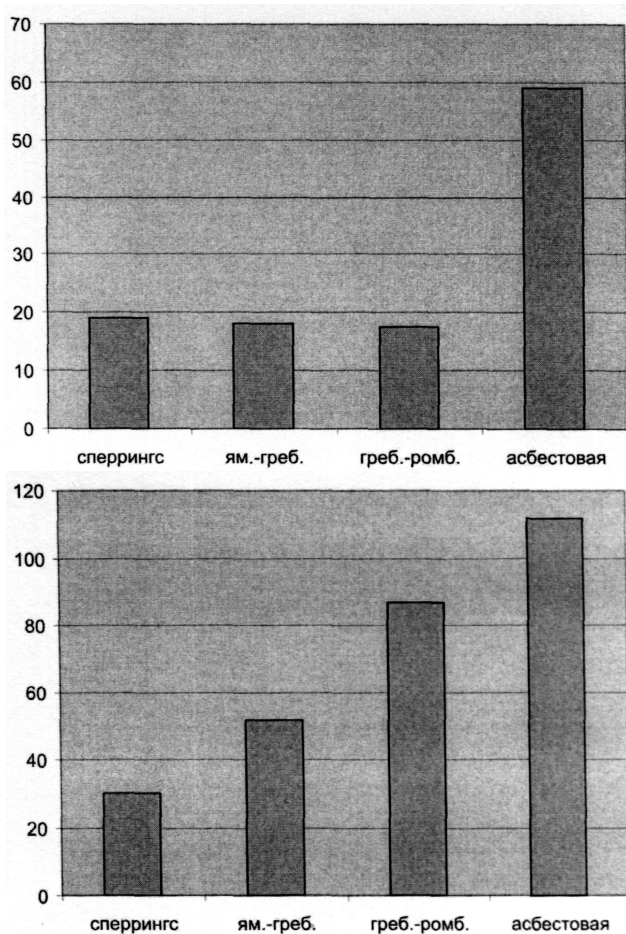

Рис. 7. Степень морфологической стандартизации макроорудий Карелии периодов неолита – энеолита

Вверху – доля наиболее частого сочетания формы макроорудий в сечении и плане в процентах от общего количества целых изделий на памятниках культур неолита – энеолита. Внизу – доля наиболее часто встречающейся формы сечения макроорудий в процентах от общего количества целых изделий

Сперрингс – культура сперрингс; **ям.-греб.** – культура ямочно-гребенчатой керамики; **греб.-ромб.** – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой; **асбестовая** – культура асбестовой керамики

себе это еще не объясняет явлений резкого усложнения и стандартизации технологии макроорудий в энеолите, стандартизации их типологического набора, относительно массового производства, широкого использования приема многогранной шлифовки¹ и отчетливого стремления к декоративному оформлению поверхности изделий, которое фиксируется по частому использованию полирования их поверхности. Индустрия макроорудий, на мой взгляд, позволяет ставить вопрос о том, что в энеолите культура местного населения достигает качественно иного уровня сложности, и, вероятно, на новый уровень сложности поднимается социальная организация этого населения.

Перечисленные выше особенности энеолитической индустрии макроорудий или орудий русско-карельского типа позволяют ставить вопрос о появлении специализации в изготовлении каменных инструментов, специализации как заметного общественного явления, при котором значительное число членов того или иного сообщества исключается из данной сферы материального производства. Половозрастная специализация, не предполагавшая высокого уровня подготовки отдельных мастеров, могла иметь место уже в достаточно ранние времена, и необходимость предварительного обучения подрастающего поколения становится очевидной, как только технология перешагивает наиболее элементарный порог сложности (Pigeot, 1990; Roux, 1990, p. 147). Несомненно, имело место и разделение труда по половому признаку, хотя критерии для доказательства такой практики найти сложно. Наиболее вероятно, что производство бифасов или отжимных пластин на территории Карелии происходило в рамках как раз половозрастной специализации и являлось делом каждой отдельной социально-производственной ячейки. Помимо этого, очень вероятно, что некоторые члены коллектива могли специализироваться на обработке камня

¹ При многогранной шлифовке по очереди зашлифовываются длинные узкие грани орудия, которые протягиваются во всю его длину. Сам процесс шлифования в данном случае выглядит «автоматизированным». Более того, исключительная прямизна таких узких граней на многих изделиях из поселений эпохи энеолита, как будто бы проведенных по линейке, позволяет предполагать использование механических шлифующих устройств.

благодаря их особым способностям, но при этом потенциально доступ к данной деятельности был открыт для всех членов коллектива.

Обратим внимание на то, что некоторые индустрии эпохи энеолита и бронзового века демонстрируют вполне уверенные свидетельства привлечения труда специалистов. Экспериментальные работы в области технологии расщепления камня предоставили критерии для оценки уровня сложности той или иной технологии и уровня подготовки мастера. Так, например, «чуть больше терпения» и длинная исходная заготовка не являются достаточными условиями для производства таких вещей, как пластины из Гран-Прессиньи (Франция) или южнскандинавские длинные четырехгранные топоры и кремневые кинжалы. Для того чтобы произвести подобное изделие, требуется опыт обращения с материалом, который вырабатывается годами постоянных тренировок, и то при наличии у мастера определенного «таланта» (Pelegrin, 1990, p. 123).

На этом моменте необходимо остановиться немного подробнее. По мнению Ж. Пелегрин, одного из лучших современных мастеров, способных изготавливать каменные изделия с помощью сложного расщепления, психологическое основание технологии расщепления имеет две стороны: знание и умение (Pelegrin, 1990, p. 118). Знание имеет открытую природу и может быть передано от одного субъекта к другому при помощи языка в устной или письменной форме или при простой демонстрации. В то же время умение («know-how») не может быть вербализовано, поскольку представляет собой своего рода «мышечную» память о том, какого рода телодвижения приводят к наилучшему результату. «Know-how» приобретает только в результате собственной длительной практики.

Технологии, направленные на специализированное получение отщепов, предполагают небольшой объем знания, но даже такое незначительное знание играет гораздо более серьезную роль, чем умение. Бифасы требуют большего объема как знаний, так и умений, при этом доля умений в успешном производстве бифасов уже более весома, чем доля знаний. Количество

действительно тонких бифасов, обнаруженных на территории Карелии, невелико. Следовательно, в их изготовление вкладывалось относительно немного «умений» и вряд ли многие мастера ставили перед собой такую цель, как достижение значительного «know-how».

Технология изготовления макроорудий русско-карельского типа требует наибольшего объема и знаний, и умений среди тех технологий расщепления, которые были представлены на территории Карелии. Утверждение о том, что степень умения в данном случае выше, чем при производстве бифасов из карельских поселений, может показаться спорным. В таком случае необходимо отметить, что материал, из которого эти орудия изготавливались, все же намного хуже поддается расщеплению, чем кремневые породы. Немаловажно и то, что в процессе их обработки наверняка использовались не просто мягкие отбойники и посредники, но отбойники и особенно посредники и колотушки разного размера и веса. И выбор правильного инструмента для конкретной ситуации почти целиком определен «know-how» мастера. Использование различных инструментов трудно доказать, но именно таким образом поступает при изготовлении четырехгранных кремневых топоров современный ремесленник – «flintknapper»² Дан Черефорш, работу которого мне приходилось наблюдать и приемы этой работы копировать.

Существование технологий с относительно высоким уровнем знаний и умений невозможно без института ученичества, посредством которого отбираются наиболее подходящие кандидаты и организуется процесс передачи знаний и контроль над приобретением необходимого «know-how». Подобный институт обычно связан с ограничением числа лиц, получающих доступ к технологии (Arel, 2001, p. 113–115), т. е. возникает в той ситуации, когда специализация на том или ином производстве является состоявшимся фактом. Это означает, что данная область деятельности монополизируется некоей группой и собственное желание индивида вместе с его способностями к этой деятельности уже не являются достаточными условиями для его специализации в ней.

² Мастер по расщеплению кремня (и любых изотропных пород).

Основными критериями, свидетельствующими о наличии специализации, могут являться: 1) высокое качество сырья; 2) индивидуальный стиль или значительная стандартизация; 3) сложность, либо же относительная простота, но большая эффективность технологии; 4) высокое качество работы (небольшая частота ошибок расщепления); 5) общее положение данной индустрии в археологическом и культурно-историческом контексте (Torrence, 1986, p. 44; Johnson, 1996, p. 172; Roux, 1990, p. 149).

В настоящее время, помимо упомянутых выше индустрий, выводы о наличии развитой специализации были сделаны относительно производства пластин в Spiennes (Бельгия), Варне (Болгария) (Pelegrin 1990, p. 123), индустрии обработки обсидиана у майя в Америке (Sheets, 1975; Johnson, 1996) и некоторых других. Наконец, интересный материал для сравнения представляет индустрия макроорудий, существующая в высокогорных районах Новой Гвинеи, особенно индустрия производства тесел «стиля Лангда».

Данная индустрия, единственная существующая в настоящее время «живая» каменная индустрия с подобным уровнем сложности, недавно была подробно описана (Hampton, 1999; Stout, 2002). При внимательном изучении между ней и индустрией русско-карельских орудий в энеолите Карелии обнаруживается целый ряд поразительных параллелей. Орудия изготавливаются из сходных по свойствам материалов, т. е. не из кремня, а из различных горных пород, которые характеризуются большей по сравнению с кремнем зернистостью и «вязкостью» (метаморфизированный базальт, андезит и др.) (Hampton, 1999, p. 45; Stout, 2002, p. 697). Существенные для обработки и качества изделий свойства этих пород варьируются в очень широких пределах. Важно, что эти различия отчетливо осознаются мастерами, которые выделяют множество разновидностей материалов, отличающихся по твердости, однородности структуры и цветности. Соответственно изделие из более качественного материала ценится намного дороже, чем из некачественного (Hampton, 1999, p. 59, 224, 240, 243; Stout, 2002, p. 702). Технология производства орудий описывается исследователями и осознается самими мастерами как стадияльная и предполагает

использование набора каменных отбойников, отличающихся по форме, размеру и весу (Hampton, 1999, p. 225, 243, 246; Stout, 2002, p. 699). Основной процесс обработки (расщепления) происходит на стоянках, находящихся на некотором, но небольшом удалении от источников сырья и на значительном – от постоянных поселений. Многие изделия достигают крупных размеров (в длину 30 см и больше). Наконец, тесла «стиля Лангда» обладают также сходной морфологией. У них треугольное поперечное сечение, хотя они остаются гораздо ближе к бифасам, чем трапецевидные изделия русско-карельского типа.

Добыча сырья и изготовление орудий в данной индустрии – это коллективный процесс, в котором одновременно участвуют несколько человек. В составе группы выделяются: ведущий мастер, который иногда обладает исключительным правом пользования месторождениями сырья, специалисты и ученики (Hampton, 1999, p. 226–227, 298; Stout, 2002, p. 700–701). Зафиксировано, что иногда специалисты по изготовлению рубящих орудий полностью освобождаются от сельскохозяйственных работ и «оплачиваются» продуктами за свои изделия (Stout, 2002, p. 701). Они имеют высокий социальный статус, что делает их позицию привлекательной для остальных членов коллектива, однако возможности войти в число учеников сильно ограничены. Как правило, ими становятся близкие родственники специалистов или люди, каким-либо образом добившиеся их благосклонности. Ученичество начинается в возрасте 12 – 14 лет и продолжается от 5 до 10 лет (Hampton, 1999, p. 231; Stout, 2002, p. 701). Таким образом, мы можем наблюдать достаточно развитую специализацию в производстве каменных орудий.

Безусловно, прямой перенос примера из Новой Гвинеи на период энеолита в Карелии не может быть осуществлен уже потому, что сейчас нет никаких оснований предполагать возникновение в Карелии периода энеолита каких-либо элементов производящего хозяйства. Тем не менее развитая традиция строительства полуземляночных срубных жилищ свидетельствует о сравнительно оседлом образе жизни, а вся сумма сведений о данном периоде позволяет говорить о весьма высоком для первобытной эпохи уровне

развития культуры местного населения. Следовательно, черты сходства между двумя рассмотренными индустриями вполне могут быть результатом того, что они порождены сходными социальными процессами.

Как известно, возникновение специализации может быть связано и даже вызвано ограничением доступа к источникам сырья. Имеются этнографические примеры, в которых такое ограничение является следствием монополизации месторождения одним коллективом. Известен пример монополии одного рода на добычу сырья и изготовление макроорудий в Австралии (середина XIX в.) (Torrence, 1986, p. 54–57; McBryde, 1979). Причем эта монополия возникла в обществе, более примитивном, чем, скажем, энеолитическое общество в Карелии, хотя и находившемся уже в длительном контакте с европейской цивилизацией.

Причиной может стать и невозможность эксплуатации удаленных месторождений оседлыми коллективами, без наличия специального запрета на доступ. Такие примеры имеются в Новой Гвинее (Torrence, 1986, p. 57–60; Philips, 1979, p. 110).

Здесь мы подходим к следующему вопросу, на котором тоже следует кратко остановиться, – проблеме обмена в первобытных обществах. Причиной развития древнейшего обмена является неравномерное территориальное распределение природных ресурсов (Бахта, Сенюта, 1972, с. 72), и поэтому чаще всего он выступает именно в виде обмена сырьем и изделиями из материала, имеющего ограниченное распространение. Нужда в таком обмене возрастает с увеличением степени оседлости первобытных коллективов (Nassaney, 1996, p. 189).

Основные модели такого обмена описаны К. Ренфрю (взаимный обмен «по линии», «престижный» обмен, обмен с использованием профессиональных посредников и «направленный» обмен, предполагающий лучшее снабжение более удаленных от источника сырья территорий). Последующие исследователи акцентировали внимание на том, что при анализе процессов обмена недостаточно использовать только количественные критерии (сумма и вес изделий из того или иного материала), необходимо подключать также и качественные. Это могут быть: разница в снабжении

поселений разного типа, форма, в которой импортировалось данное сырье (куски породы, заготовки, законченные изделия), уровень мастерства, при производстве подлежащих обмену вещей (Togrence, 1986, p. 10–44).

Импорт сырья (кремня) на территорию Карелии уже исследовался А. М. Жульниковым (1999, с. 85–88), поэтому сейчас этот вопрос рассматриваться не будет. Все же по-прежнему остается возможность существования обмена готовыми изделиями и, следовательно, специализации на изготовлении подлежащих обмену вещей. Наиболее вероятными продуктами местной каменной индустрии, предназначавшимися для обмена или по крайней мере участвовавшими в обменных процессах, являются именно топоры, тесла, желобчатые тесла и долота русско-карельского типа. Их индустрию отличает весьма высокая стандартизация. В то же время широкое использование многогранной шлифовки, которая, не исключено, проводилась при помощи механических приспособлений, явно свидетельствует о поиске наиболее эффективных способов обработки. Под эффективными способами имеются в виду те, которые могут дать максимальный результат при наименьших затратах. Разумеется, уменьшение затрат, в том числе временных, здесь возможно было только без ущерба для качества. В неолите, вероятно, с подобной же целью, использовалось более мягкое сырье.

Предположения об участии карельских макроформ в обмене с соседними территориями высказывались уже неоднократно, начиная с Ю. Айлио и К. А. Нордмана, а также В. Лухо, которые первыми обратили внимание на мастерские в устье р. Шуи (Кларк, 1953, с. 246–247). Впоследствии такое мнение высказала Н. Н. Гурина (1974, с. 15). Изложенные в настоящей работе наблюдения, так же, как и новые материалы с мастерских в низовье р. Шуи, подтверждают такое предположение. Пока сложно определить все возможные направления этого обмена и широту территории, на которую он распространялся. Для решения такого вопроса необходимы широкие петрографические исследования.

Обобщенная линия развития индустрии макроорудий как социального явления в позднем неолите – энеолите может выглядеть

примерно таким образом. В позднем неолите в силу становления оседлого образа жизни наблюдается усложнение потребностей местного населения, но изготовление инструментов, их обеспечивающих, могло оставаться делом каждой отдельной ячейки (семьи?), что видно по разнообразию и общедоступности применявшихся технологий. В энеолите, в силу активного развития процессов обмена (Жульников, 1999, с. 85–88), вероятно, усиливается потенциальная возможность какого-то начального разделения труда уже между отдельными хозяйственными и территориальными единицами и, следовательно, возникновения относительно развитой специализации и в области производства каменных макроорудий. Появляются подготовленные специалисты.

С этим может быть связано заимствование эффективной техники работы через посредник. Скорее всего, произошло именно заимствование, поскольку сам прием был известен по крайней мере за тысячу лет до того, как его применили на территории Карелии. Откуда пришла эта инновация, пока неясно. Существенно то, что в самом карельском обществе появилась потребность в технологии, подобной той, которую в Южной Скандинавии вызвал к жизни переход к земледелию и связанное с ним изменение социальной структуры.

Пока невозможно говорить, в какой конкретной форме возникла предполагаемая специализация, т. е. рекрутировались ли специалисты из различных коллективов или имела место монополия одного коллектива как на технологию, так, возможно, и на те участки территории, на которых наиболее вероятно было нахождение качественных исходных заготовок.

Усложнение общественной организации

Необходимо остановиться еще на одном вопросе. В последние десятилетия было признано, что древние общества могли достигнуть стадии разложения первобытнообщинного строя, или, как принято в англоязычной литературе, стадии «культурной сложности», еще оставаясь охотниками и собирателями (Brown, Price, 1985, p. 435). В частности, выводы о становлении «сложного» общества сделаны относительно ряда североамериканских культур,

как археологических, так и доживших до исторической современности (Ляпунова, 1972; Ames, 1985; Hayden et al., 1985; Brown, 1985; Arnold, 1993). Непременными условиями возникновения такой общественной системы являются: относительно высокая плотность населения; оседлый образ жизни; индивидуальный, т. е. семейный, характер производства; регулярное получение прибавочного продукта; развитый обмен и существование специализации в отдельных сферах производственной деятельности. Для нее характерны начальные элементы общественного неравноправия, т. е. имущественное неравенство и иерархическая структура, обычно с приобретаемым при жизни (ненаследуемым) статусом отдельного индивида. Наконец, в отдельных случаях наблюдается становление предгосударственных политических институтов.

В материальной культуре индикаторами вероятного образования «сложного общества», видимо, служат признаки оседлого образа жизни, существования специализации и обмена, а также наличия неравенства (прежде всего в материалах погребений). Кроме того, эта «культурная сложность» способна проявляться в значительном усложнении и разнообразии инвентаря и таком явлении, как «престижные» изделия и «престижные» технологии.

Понимание «престижных» технологий базируется на характеристике, данной Б. Хэйденом (Hayden, 1998). Функцией престижных изделий является демонстрация богатства, успеха и власти. Успешное выполнение ими подобной функции возможно в том случае, если намеренно завышается объем ресурсов, вкладываемых в их производство. Другими словами, при изготовлении сугубо практических вещей исключаются любые излишние траты, т. е. траты, которые не приводят к повышению необходимой и достаточной эффективности. Престижные технологии, наоборот, построены на сознательном увеличении затрат, прежде всего трудовых, через посредство которых в них переводится и аккумулируется прибавочный продукт.

Престижные изделия обладают характеристиками, которые делают их особенно привлекательными для членов первобытного коллектива, например, значительными размерами, яркой окраской, блестящей поверхностью. Они часто демонстрируются во время

публичных мероприятий, таких как народные собрания или отправление культа, что приводит к повышению авторитета лидера и к оправданию избыточной траты ресурсов. Приобретение престижных вещей становится желанным для многих членов группы. По мнению Б. Хэйдена, стимулирование престижных технологий является социальной стратегией, с помощью которой индивиды, сознательно или бессознательно стремящиеся к достижению господствующего положения, добиваются своих целей. В частности, объекты престижного владения часто использовались для того, чтобы загонять в долговую зависимость отдельных людей или целые семьи и навязывать им те или иные условия (Hayden, 1998, p. 12).

В каменной индустрии различных регионов мира имеются несомненные примеры престижных технологий. Не случайно, что наиболее сложные варианты технологий расщепления, вроде упоминавшихся скандинавских кинжалов или длинных египетских кремневых ножей (Whittaker, 1984, p. 171) были созданы уже в иерархически организованных обществах. Скорее всего, потому, что они были связаны с обслуживанием потребностей формирующихся элит, светских или духовных (Sheets, 1975; Johnson, 1996; Larsson, 1999; Apel, 2001, p. 329–336; Nordquist, 2001, p. 196).

Каменные макроорудия часто предлагаются на роль престижных объектов. Основаниями для таких утверждений являются большие размеры изделий и очевидные большие затраты для их производства (Olausson, 1983, p. 9–10, 2000, p. 125; Hayden et al., 1996, p. 33–35). Этому имеются и этнографические подтверждения, свидетельствующие, в частности, о том, что утилитарные и дополнительные социальные функции макроорудий не всегда исключают друг друга, т. е. топор может быть использован по своему прямому назначению, но при этом служить еще и показателем статуса его владельца (Olausson, 1983, p. 11–14; Hayden, 1998, p. 13).

Д. Олауссон была предпринята попытка выделения среди неолитических топоров с территории южной Швеции изделий с такими дополнительными функциями. Несомненных свидетельств

обнаружить не удалось (Olausson, 1983, p. 30). Карельский материал в целом более бедный, поэтому возможность выявления подобных вещей потенциально еще меньше. Вместе с тем сочетание на изделиях какого-либо периода таких признаков, как высокое качество сырья, тщательность обработки и большие размеры изделий, позволяет предполагать, что по крайней мере некоторые из них имели дополнительное социальное значение.

Вряд ли вызовет возражение утверждение, что энеолитическая индустрия макроорудий русско-карельского типа больше, чем какая-либо другая каменная индустрия в историческом прошлом на территории Карелии, может претендовать на статус «престижной». Неопровержимые доказательства этому утверждению найти сложно, если вообще возможно, однако основания для него имеются. Данный тезис не отменяет всего того, что говорилось по поводу этой индустрии выше. Он, скорее, несколько расширяет рамки возможного понимания ее значимости.

В продолжение темы можно высказать еще одно замечание, напрямую не относящееся к данной работе. Не исключено, что использование самородной меди на территории Карелии, которое не привело к уменьшению роли каменного инвентаря, тоже начиналось именно как «престижная» технология. Это означает, что она могла вырасти не из утилитарных или по крайней мере не только из утилитарных, но еще и из социальных потребностей. И произошло это только тогда, когда такие усложненные потребности возникли в среде местного населения.

Подведем итог всему сказанному. Вероятно, в энеолите местное население на территории Карелии достигает стадии культурной и социальной «сложности», т. е. оказывается на самом пороге становления неэгалитарной социальной системы, хотя те доказательства, которые были приведены в настоящей работе, явно недостаточны. Такой вывод помогает объяснить целый ряд явлений в карельской каменной (и не только) индустрии, которые были обнаружены в ходе проведенного здесь анализа.

* * *

Безусловно, предложенная в этой работе интерпретация данных об особенностях развития каменной индустрии на территории Карелии не является единственно возможной. Все сделанные здесь утверждения могут быть приняты только в качестве предположений. Более того, не исключено, что многие из них вообще никогда не могут быть доказаны по причине неполной базы источников, в которой практически не представлены изделия из органических материалов. Вполне вероятны и другие альтернативные объяснения охарактеризованных здесь изменений в каменной индустрии.

При всей спорности высказанных положений можно констатировать, что в энеолите был высокий уровень развития культуры местного населения, выразившийся в нарастании культурной сложности. Этот своего рода «расцвет», вероятно, был вызван серьезной перестройкой экономики и социальной системы. Позднее наблюдается новое упрощение культуры, т. е. той ее части, которая представлена индустрией каменных орудий. Оно отмечено уже в позднем энеолите. Каменный инвентарь бронзового века, несмотря на относительно высокий уровень индустрии бифасов из кремненных пород, в целом выглядит обедненным. В раннем железном веке произошла деградация каменного инвентаря. Не исключено, что упрощение каменной индустрии отражало временное упрощение социальной системы на территории Карелии. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в поздние периоды изделия из камня постепенно уступают свою роль и значение металлическим орудиям и потому становятся все менее ценным источником.